

Глава 14

Глубокая ночь окутала поместье тишиной, нарушаемой лишь глухим уханьем совы за окном.

Джейсон лежал в постели, вновь и вновь прокручивая в голове события последних часов. Всё это казалось зыбким, нереальным сном: встреча с Бэтменом, усыновление, признание и, наконец, звание Робина.

Единственной занозой оставался его собственный вариант супергеройского имени, который безжалостно отвергли.

«И чем им "Маленький Бобёр" не угодил?»

Джейсон зарылся лицом в подушку, но так и не смог сдержать глупой, счастливой улыбки.

Вдруг в дверь негромко постучали.

— Джейсон, я могу войти? — раздался из-за двери низкий голос Брюса Уэйна.

«Зачем он пришёл? — Джейсон мгновенно подобрался, остатки сна как ветром сдуло. — Неужели новое задание?»

Брюс вошёл в комнату. На нём был просторный шёлковый халат, ворот которого небрежно распахивался, обнажая крепкую грудь. Мужчина слегка отвёл взгляд, держа в руках увесистый том. Он неловко кашлянул, переводя взор на Джейсона, но так и не проронил ни слова.

Джейсон вопросительно приподнял бровь.

— Брюс, если вы будете молчать, вас никто не поймёт, — послышался из-за его спины мягкий, но укоризненный голос Альфреда.

Дворецкий выступил вперёд, держа в руках серебряный поднос. Он вежливо поклонился Джейсону и протянул ему стакан.

— Тёплое молоко поможет вам уснуть, мастер Джейсон. Я добавил туда немного кальция для укрепления молодого организма. — Альфред тихонько звякнул баночкой с витаминами и выразительно посмотрел на своего господина.

Этот взгляд не требовал перевода: он безмолвно подгонял Брюса.

— Хочешь... послушать сказку на ночь? — наконец выдавил из себя Брюс. Было заметно, как с

его плеч спало напряжение — самое трудное осталось позади.

Он прошёл вглубь комнаты и присел на край кровати, бесшумно зевнув. Его поза казалась расслабленной и домашней, совсем не похожей на обычную напряжённую статью Бэтмена.

Джейсон поначалу хотел отказаться — не хотелось утруждать Брюса. Но эта сцена вмиг пробудила в его памяти старые воспоминания, те крупницы чужого счастья, за которыми он когда-то наблюдал из тёмных углов грязных переулков. Маленький ребёнок в тёплой, уютной постели, любящие родители рядом, объятия, улыбки... и сказка, под которую так сладко засыпать.

Для Джейсона, чья мать ушла слишком рано, а отец бросил семью на произвол судьбы, это всегда было непозволительной, недостижимой роскошью.

Он поколебался мгновение, а затем молча забрался под одеяло. Да, ему уже 12 лет, он слишком взрослый для сказок перед сном. Но ведь Брюс сам это предложил! Он не напрашивался!

Низкий, чуть хриловатый голос мужчины зазвучал в полумраке, неторопливо уводя за собой в мир спокойных, счастливых историй. Брюс мерно похлопывал Джейсона по спине, даря ему то самое бессловесное чувство безопасности и защиты, которого мальчику так не хватало.

Лунный свет мягко струился сквозь щёлку в шторах, окрашивая комнату в тёплые, серебристые тона. Брюс смотрел на засыпающего ребёнка, и его взгляд был полон непривычной мягкости.

Когда-то всё это началось с Дика. Потерявший родителей мальчик ночами ворочался в постели, терзаемый кошмарами, а молодой и неопытный Брюс понятия не имел, как утешить сироту.

Единственное, что Брюс знал наверняка: подобная травма въедается в душу намертво. Она не уйдёт ни через год, ни через десятилетия. Она может стать яростной движущей силой, а может обернуться невидимыми оковами, бездной, утягивающей на самое дно.

Брюс Уэйн сам так и не сумел выбраться из того Преступного переулка. И тогда, в самом начале, двое израненных людей лишь молча зализывали раны в непроглядной тьме.

Выход подсказал Альфред. Он посоветовал Брюсу просто быть рядом. Делать то, что когда-то делал Томас Уэйн для своего маленького сына: сидеть у постели, рассказывать истории, успокаивать и принимать его боль без остатка.

Дети всегда невольно перенимают повадки родителей. Томас и Марта успели подарить Брюсу столько любви, что её тепла хватило, чтобы сотворить из этих воспоминаний костыли,

подняться на ноги и теперь передать эту любовь дальше — своим приёмным сыновьям.

В те годы Дик судорожно цеплялся за край его одежды, не отпуская даже во сне. Иногда по его щекам катились слёзы, и он звал маму и папу; иногда его охватывала слепая ярость, и даже сквозь сон он бредил мстью.

Так они и жили — поддерживая друг друга, спотыкаясь, но упрямо расправляя крылья над Готэмом, городом, который разрушил их жизни, но который они всё же безумно любили.

Со временем Дик вырос и стал стесняться подобных нежностей.

Но затем в поместье появился малютка Сатору. Альфред настоял на продолжении традиции: перед каждым выходом на патрулирование Брюс усаживался у колыбели младшего сына и минут пять читал ему сказку. Малышу не исполнилось и трёх лет, он едва ли понимал смысл слов, но для самого Брюса это стало источником необъяснимого умиротворения.

Мальчик полностью оправдывал своё второе имя — Миракл, истинное чудо. Стоило Брюсу после изнурительной ночи взглянуть на спящего ребёнка, как усталость отступала сама собой.

Чего отец не знал, так это того, что маленький Сатору Годжо каждый раз лишь притворялся спящим. Едва Брюс входил в комнату, малыш послушно закрывал глаза, выравнивал дыхание и мысленно осыпал отца градом проклятий:

«Ну почему он каждый раз тащит за собой целую ораву проклятых духов четвёртого ранга? Сколько же людей в этом городе одержимы Бэтменом?»

Эти мелкие твари незаметно высасывали из человека силы, со временем превращая жизнь в бесконечный стресс.

Поэтому Сатору послушно изображал глубокий сон, а сам втихую стирал проклятых духов в порошок.

За несколько лет этот ритуал отточился до автоматизма и стал для Годжо обычным делом.

Брюс подолгу сидел у постели сына и порой, обессиленный, засыпал прямо в шезлонге неподалёку.

Тогда в детскую на цыпочках пробирался Дик. Он заглядывал в кроватку к Сатору, легонько ерошил его белые волосы, а затем сворачивался клубком под боком у Брюса, превращаясь в сонную синюю птичку.

Позже всех приходил Альфред. Он тихо укрывал своих больших и маленьких хозяев тёплым

пледом.

Простое, непритязательное семейное счастье.

Эта привычка прижилась на долгие годы. Брюс полагал, что после четырёх лет Сатору сможет спать один, но дворецкий категорически отказался нарушать заведённый порядок. Он упорно сближал отца и сына, как когда-то это делали Томас и Марта.

— Каждому ребёнку нужно внимание, сопричастность, сэр, — мягко журил его Альфред, приводя маленького Сатору в спальню Брюса. Следом за ними обычно семенила и старшая малиновка.

Брюс Уэйн во сне ворочался безбожно — на огромной королевской кровати он привык раскидываться как бог на душу положит. С Диком проблем не возникало: малец просто забирался под бок к отцу и крутился вместе с ним.

Но четырёхлетний Сатору, которого только-только забрали из его уютного «гнездышка», казался слишком хрупким. Из-за слабого здоровья ему частенько ставили капельницы с глюкозой. И пусть у мальчика имелся врождённый защитный барьер Безграничности, Брюс не решался проверять его прочность во сне.

Впрочем, раздавить сына ему так и не удалось. Зато Сатору взял за привычку сползать за ночь прямо на отцовскую грудь и засыпать там, раскинув руки и ноги во все стороны. Брюс регулярно просыпался на рассвете от ощущения, что на него водрузили мешок с песком.

Избалованный безграничной заботой клана Годжо, Сатору никогда не задумывался о приличиях во время сна. В итоге Брюсу пришлось развить особый навык: проснуться, нащупать одну или две сонные макушки у себя на лице, бережно переложить их на подушку и мирно спать дальше, словно ничего не произошло.

Куда чаще Сатору сам безжалостно расталкивал отца среди ночи. Тогда две заспанные фигуры на цыпочках пробирались сквозь темноту к холодильнику, ведомые утробным урчанием животов.

Беспокоить Альфреда среди ночи они не смели — щадили здоровье пожилого человека, да и лишних нотаций выслушивать не хотелось.

«Пара ложек десерта — Альфред и не заметит. На крайний случай можно стащить немного овсяных хлопьев Дика»

Иногда их прямо на месте преступления ловил спустившийся за тем же самым Дик. В наказание его принимали в долю, и ночной пир продолжался уже втроём.

Брюс улыбнулся нахлынувшим воспоминаниям — тепло и удивительно мягко. Он смотрел на безмятежно спящего Джейсона, чувствуя себя самым обычным отцом, который искренне любит своих сыновей и дорожит каждым мгновением, проведённым рядом с ними.

В тишине комнаты зазвучала тихая колыбельная — та самая, которую когда-то Брюсу напевала Марта. Низкий, бархатистый голос разносился по комнате, и отдельные ноты проскальзывали сквозь дверную щель в пустой коридор.

Сатору и Дик, проходившие мимо, переглянулись и безмолвно устроились у двери, прижавшись ушами к косяку. Им безумно хотелось послушать эту редкую, щемящую сердце мелодию.

Когда Альфред поднялся на этаж, Сатору уже сладко спал в объятиях Дика. Обе «птички» привалились к косяку и мирно посапывали в унисон.

Брюс осторожно приоткрыл дверь. Альфред предостерегающе поднял руку и с понимающей улыбкой указал на заснувшую парочку.

— Сэр, в вашей спальне весьма просторная кровать, — шёпотом намекнул дворецкий, стараясь не тревожить утомлённых юношей.

Брюс лишь беспомощно покачал головой. Он аккуратно высвободил Сатору из объятий Дика. Тот лишь недовольно пробормотал что-то сквозь сон, перекатился на бок и снова уткнулся лбом в дверь.

В руках отца Сатору на миг приоткрыл глаза из-под повязки, но, узнав родной силуэт отца-Бэтмена, тут же обмяк и засопел дальше.

В такие минуты спящий Сатору казался сущим ангелом. Разумеется, только пока молчал.

Дик заметно вырос. Когда Брюс поднял старшего сына на руки, он почувствовал, как тот окреп. Его мышцы налились силой, отличной от той лёгкости, что была во времена его бытности Робинем.

В Бладхейвене парень неплохо справлялся сам, разве что похудел малость. Наверняка питался одной сухомяткой.

«Надо бы перевести ему денег»

Но тут же вспомнил, что Дик принципиально не притрагивается к средствам на уэйновской карте. Брюс недовольно и глухо проворчал что-то себе под нос.

Вскоре просторное ложе оказалось забито под завязку. Три вечно голодных птенца и одна

старая летучая мышь спали вповалку, тесно прижавшись друг к другу.

Джейсон, разбуженный случайным взмахом руки Дика, сел на постели и ошеломлённо огляделся. Помолчав секунду, он осторожно приподнял тяжёлые руки отца и старшего брата, нырнул под них и позволил себе окончательно утонуть в этом непривычном, но таком желанном семейном тепле.

Выспаться до обеда им было не суждено. Растущие организмы требовали своего.

На рассвете, едва солнце показалось из-за горизонта, тишину спальни нарушила череда глухих звуков, до боли напоминающих барабанную дробь.

Первым проснулся Джейсон — из-за вчерашней тренировки его желудок переварил ужин в рекордно короткие сроки. Он попытался аккуратно перевернуться, чтобы никого не побеспокоить, но тщетно.

Вскоре проголодался и Дик, у которого со вчерашнего дня во рту не было ничего, кроме горсти хлопьев. Он рывком сел на кровати, пытаясь сообразить, где находится, и наткнулся на полный голодного отчаяния взгляд Джейсона.

В одиночку сосание под ложечкой ещё можно было перетерпеть, но в компании единомышленника аппетит разыгрался нешуточный. Мальчишки понимающе переглянулись и без лишних слов начали сползать с кровати.

Шорох одеял разбудил Брюса и лежавшего неподалёку Сатору — тот потянулся, словно огромный белый кот.

Голодные дети уставились на отца выжидающими, лихорадочно блестящими глазами.

Главе семейства ничего не оставалось, кроме как взять инициативу в свои руки.

— Ладно, — проворчал Брюс, неохотно поднимаясь. — Пойдём посмотрим, не припрятал ли Альфред для нас чего-нибудь съестного на кухне.

<http://bllate.org/book/19544/1960961>